

Джордж Клуни на все руки

О том, как гладкий красавчик, любимец домохозяек стал одним из самых серьезных режиссеров и актеров Америки

Екатерина Барабаш
Берлин

Джордж Клуни родился 6 мая 1961 года в Кентукки. Телец по знаку Зодиака, да еще родившийся в год Быка. Сочетание убедительное и даже убойное – упрямство, помноженное на упрямство. В Берлин Клуни приехал представлять конкурсную картину «Сириана», где он играет агента ЦРУ, приходящего к выводу, что неправильная политика США на «нефтяном поле» привела к страшным последствиям, одно из которых – разгул терроризма.

- Мистер Клуни, вы, кажется, в последнее время сильно политизировались?

– Ни в коем случае. Я абсолютно, стопроцентно аполитичен. В том смысле, что не участвую в выборных и предвыборных кампаниях, никуда не балотируюсь, не организую марши протеста. Снимаю фильмы и снимаюсь в фильмах, где речь идет о наболевших проблемах, причем в масштабах всего человечества, – это, если честно, не имеет отношения к политике.

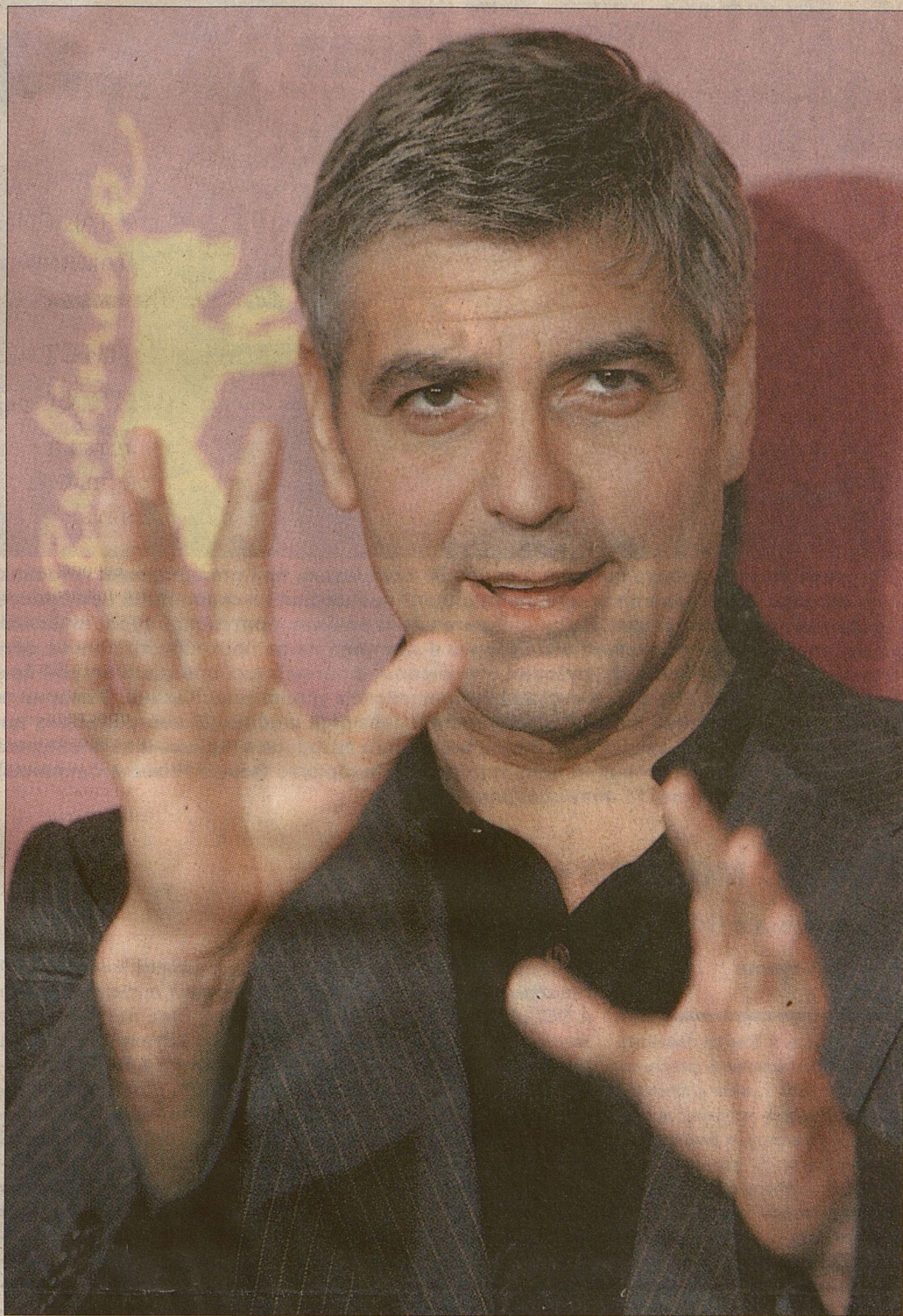
– Как же не имеет? Два ваших последних фильма – «Сириана» и «Спокойной ночи и удачи», оба, кстати, номинированные на «Оскара», – жесткая критика политики руководства США.

– Ну хорошо, если вы так настаиваете, я где-то рядом с политикой. Но для меня это скорее что-то личное. «Спокойной ночи и удачи» – фильм о радиопередаче 50-х, пытавшейся бороться с охотой на ведьм. Мой отец был известным тележурналистом, его программа пользовалась грандиозным успехом. А потом он враз остался без работы, его выгнали. И мы лишились всего – дома, денег, положения. Жили в трейлере, пытался зарабатывать для семьи, работал кем угодно и где угодно.

– Почему не попробовали пойти по стопам отца?

– А вы думаете, это была моя мечта – ящики с гнилыми помидорами таскать? Меня никто никуда не брал. Хотя, если честно, мне страшновато было туда соваться – я видел на примере отца, как преходяща слава.

А сейчас я привык к славе и люблю ее. Отними ее сейчас у меня – умру, наверное. Про меня папарацци столько всякой ерунды сочиняют, что хоть отстреливай их по одному. А я их нежно люблю, даже самых отъявленных врунов. Не понимаю своих коллег по цеху, которые бесконечно судятся с газетами. Хочешь, чтобы про тебя не писали вранья, иди работать на завод. Хотя нет, один раз был случай, когда я страшно разошелся на журналистов и даже призвал своих коллег бойкотировать телевидение. Мы снимались вместе с Мишель Пфайффер, так они толпой за нами ходили, все ждали, когда у нас роман начнется. И не дождались.

Джордж Клуни никогда не ссорится с папарацци.

Фото Reuters

Не до того нам было, уставали как собаки.

– И все-таки – вам уже было сильно за тридцать, когда вы впервые снялись в приличном кино. Всего десять лет назад. Это поздно для звезды.

– Как видите, нет. Если бы не мое фантастическое упрямство, я бы до сих пор болтался бы где-нибудь между «кушать подано» и разгрузкой-погрузкой этих долбанных ящиков. Плюс нахальство. Я просто пришел к своему приятелю Тому и сказал: «Введи меня в мир кино, да так, чтобы никто не вывел, а то, знаешь ли, надоело в грязи копать». Если бы я знал тогда, что это была не самая страшная грязь... А потом приехала «Скорая помощь». И помогла мне выкарабкаться из болота. Я вообще смутно помню, что было до этого, – какая-то череда вечеринок, веселья...

– ...девочек. Про ваше донжуанство легенды ходят.

– Ну давайте, задайте тот вопрос, без которого не обходится ни одно интервью.

– Не задам. Все и так знают, что после первого брака вы покаялись никогда не жениться, что теперь об этом жалеете, что Николь Кидман

и Мишель Пфайффер поставили по 10 тысяч долларов, что вы станете отцом еще до сорока, и проиграли, а вы благородно вернули им чеки.

– Все почему-то думают, что я противник брака как такового, но это совсем не так. Жениться – то можно, только в 45 делать это по глупости уже нельзя.

– Вам, наверное, порядком надоел умный, благородный и положительный доктор Росс.

– Мне иногда хотелось его убить. Даже не потому, что он такой положительный, что во рту кисло, а потому, что он отнимал столько времени! Что такое сериал? Это бесконечные съемки, которые, как кажется, никогда не кончатся. А параллельно съемки в «нормальном» кино, и утром ты уже не помнишь, кто привез тебя домой, потому что заснул на съемочной площадке.

Я долго был неразборчив, хватался за все подряд, да еще и любого конкурента был готов загрызть. Но это не от отсутствия вкуса, это от долгой невостребованности. Теперь это прошло.

– Вы со Стивеном Содербергом пошли по опасному пути, создав студию, которая снижает некассовое кино.

– Я для того и снимался столько, чтобы позволить себе роскошь снимать для небольшого процента зрителей. Когда братья Коэны предложили мне у них сняться, я даже не дослушал их, не спросил, что за фильм, – поспешно перебил и несолидно так крикнул: «Да! Буду!»

– Хотя гонорар там был куда меньше, чем вам уже платили до этого (за роль в фильме Коэнов «О где же ты, брат?» Клуни получил всего один миллион. – «НГ»), зато комедийный дар прорезался. Это правда, что на съемках «Сирианы» вы чуть не погибли?

– Тяжелая история. Шейный позвонок повредил, пришлось две операции делать. Сейчас вот выкарабкиваюсь, по фестивалям летаю, но пока трудно в себя приходиться. Голова стала болеть после травмы.

Для «Сирианы» мне пришлось потолстеть. Но для меня это раз плюнуть, поэтому не могу сказать, что было так уж трудно готовиться к съемкам, по крайней мере по этой части. Выходить из формы – одно удовольствие, влезать обратно – мука мученическая. Почти ничего не ем, но зато – видите – опять как раньше.